

II. Учреждение парижской секции Интернационала (январь 1865 г.). – Конференция в Лондоне (сентябрь 1865 г.). – Первый общий конгресс Интернационала в Женеве (сентябрь 1866 г.).

Временный устав Интернационала, вышедший из печати в Лондоне в ноябре месяце по-английски, был послан в Париж Главным Советом Интернационала (под таким наименованием стал функционировать, в силу устава, временный комитет, избранный на митинге 28-го сентября; в английской редакции устава он был назван Центральным Советом – Central Council). Парижская группа рабочих, примкнувших к Интернационалу, решила организовать *Парижское Бюро* Интернационала. Толен Э. Фрибур, резчик-декоратор, и Шарль Лимузен (сын Антуана Лимузена, бывшего делегатом на митинге 28 сентября 1864 года) были избраны секретарями. Устав, переведённый на французский язык, был отпечатан в декабре месяце (в Париже, типография Эдуарда Бло). 8-го января 1865 года один экземпляр устава был послан парижскому префекту полиции, а другой министру внутренних дел. В этот же день бюро Интернационала переехало в скромное помещение в доме №44 на улице Гравилье (третий округ); это помещение состояло всего лишь из одной комнаты, где находилась небольшая чугунная печка, простой некрашеный стол и два табурета.

Чтобы избежать преследований было условлено, чтобы каждый член примыкал индивидуально и непосредственно к Интернационалу, местопребывание которого было в Лондоне и, таким образом, правительство не могло возбудить преследование против членов Интернационала за организацию незаконного сообщества.

В сентябре 1865 года Парижское отделение Интернационала едва насчитывало только пятьсот членов. Причина такого медленного развития Интернационала во Франции заключалась всецело в том, что пропаганду приходилось вести тайным образом.

В 1865 году в Бельгии должен был состояться первый общий конгресс Интернационала. Но, Главный Совет в Лондоне признал, что созыв этого конгресса в 1865 году ещё не своевременен и поэтому он решил созвать вместо конгресса международную конференцию в Лондоне, которая и имела место с 25 до 29 сентября. Парижское отделение Интернационала послало на эту конференцию четырёх делегатов: Толена, Фрибура, Лимузена и Варлена. Кроме них на конференции приняли участие: делегаты от Швейцарии – Дюплекс и Беккер от Бельгии – Сезар де Пап, от Англии – Оджер, Кремер, Уилер, Хоуэлл и Уэстон. В работах конференции приняли также участие и члены Главного Совета, – Ле-Любез, секретарь по делам Франции, Везинье, Дюпон, члены французской секции в Лондоне; Герман Юнг (секретарь по делам Швейцарии), Карл Маркс (секретарь по делам Германии), Эккариус, Вольф и другие. Конференция постановила, что первый конгресс Интернационала должен состояться в Женеве в 1866 году. Конференция закрылась дружеской «чайной беседой» и балом. Это дало парижанам возможность ближе познакомиться с членами Главного Совета. В то время, как Варлен и Лимузен танцевали молодыми дочерьми Маркса, сам Маркс рассказывал Толену и Фрибуру о том, как он глубоко ненавидит Прудона за его антикоммунистические идеи.

На одном из заседаний Лондонской конференции произошёл спор между Везинье и парижскими делегатами по поводу «польского вопроса». Везинье заявил, что те, кто выступает против того, чтобы вопрос о Польше был внесён в программу для будущего общего конгресса Интернационала, являются бонапартовскими агентами. Парижские делегаты, не желавшие вносить в программу дня конгресса чисто политические вопросы, сочли заявление Везинье оскорблением. Этот конфликт закончился в 1866 году исключением Везинье и Ле-Любеза из членов Главного Совета, а в октябре 1866 года была исключена из Интернационала и вся лондонская французская секция.

В октябре 1865 года в Льеже был созван знаменитый первый международный студенческий конгресс, на котором приняли участие и многие члены Интернационала, и между прочим, Жермен Касс, Поль Лафарг, Тридон, братья Вильнев, Жакляр и другие.

Весной 1866 года вожди Интернационала всё ещё колебались относительно созыва конгресса и решили его временно отложить, так как развитие Интернационала шло довольно медленно. Маркс, который благодаря болезни не принимал участия целых три месяца в заседаниях совета, писал по этому поводу Энгельсу (письмо 6-го апреля): «я должен сказать тебе откровенно, что дела в Интернационале идут очень скверно; благодаря настояниям торопливых французов конгресс назначен в конце мая. Английские лидеры в Лондоне относятся очень холодно ко всему, что касается наших дел... Полный

провал конгресса будет ими принят безразлично. Но для нас это будет большим ударом. Мы может стать посмешищем для всей Европы! Что делать?» Возвратившись в Лондон, Маркс настоял на том, чтобы конгресс был отложен до сентября; но, тем не менее, он не верил в его успех, и в письме от 22-го апреля к Энгельсу, он писал: «я решил сделать всё, что возможно для успеха конгресса в Женеве, но я сам лично не поеду на него. Этим самым я избежну всякой личной ответственности».

Как известно в июне 1866 года между Австрией и Пруссией неожиданно разразилась война, которая привела к разгрому австрийской армии под Садовой (3 июля) и закончилась присоединением к Пруссии Ганновера, Гессена, Нассау и Франкфурта. Результатом этой войны явилось также созданием, под главенством Пруссии, Северо-немецкого союза, во главе с парламентом (рейхстагом), избираемом всеобщим голосованием. С основанием Северо-немецкого союза над Европой появился призрак новых войн, и радикальная часть французской прессы не замедлила указать на эту угрозу. В мае 1866 года французские студенты-социалисты составили воззвание к студентам Германии, Австрии и Италии, приглашая их протестовать против бесчеловечных войн, предпринимаемых под предлогом защиты национальных интересов. Это воззвание было напечатано в левых парижских газетах: «Французский курьер» Вермореля и «Левый берег» Лонге. 10-го июля 1866 года Верморель напечатал в своей газете знаменитую статью «*Стачка народов против войны*». В свою очередь, парижское отделение Интернационала составило воззвание (17 июня), в котором высказывалась надежда, что народы не дадут ослепить себя пороховым дымом и не останутся глухи к призывам солидарности и справедливости; в воззвании говорилось, что в скором времени откроется рабочий международный конгресс, на котором рабочие обсудят тщательно важный вопрос о войне и её неспособности разрешить международные конфликты. 1-го июля в газете «Левый берег» Поль Лафарг, также как и Верморель, указывал на войну, как на реакционное явление и восставал против национальных предрассудков.

Война закончилась перемирием в Никольсбурге 26-го июля и с этого момента гегемония Пруссии в Германии была обеспечена.

Во всё время этой войны отношение к ней Маркса было крайне странным, и мы должны сказать об этом несколько слов, чтобы лучше затем понять отношение Маркса к франко-прусской войне 1870 года. В своём письме от 7-го июня 1866 года Маркс писал Энгельсу:

«Война разразилась... Пруссаки решили загладить своё фанфаронство[6]; во всяком случае в Германии идиллия кончилась. Прудоновская шайка из парижских студентов выступила с проповедью мира и объявила войну пережитком варварских времён, а национальность пустым звуком; они набрасываются на Бисмарка, на Гарибальди и т.д. Как полемика против шовинизма их приём очень полезен и понятен. Но, как ученики Прудона – (среди которых и наши хорошие друзья Лафарг и Лонге[7]) – желающие уничтожить «нищету и невежество», которыми, нужно сказать, они в высокой степени сами страдают, хотя и кичатся своей «социальной наукой»; – они просто смешны».

20-го июля Маркс писал Энгельсу следующее:

«Вчера были в Совете Интернационала прения по поводу войны. Об этих прениях было известно заранее и поэтому зал заседаний был битком набит публикой. Господа итальянцы на этот раз прислали своих делегатов. Прения касались, главным образом, вопроса о национальности вообще и о нашем отношении к этому вопросу...

Французы, бывшие в значительном количестве на заседании, дали полную волю проявлению чувства своей антипатии к итальянцам. Представители Молодой Франции (не рабочие) заявили, что чувство национальности и сами нации представляют лишь «отжившие предрассудки». Они проповедуют штирнерианский прудонизм. По их мнению, следует всё разрушить, чтобы затем объединиться в маленькие «группы» или «коммуны», которые, в свою очередь, объединятся между собой в «общество», но не в Государство. В ожидании осуществления этой «индивидуализации» человечества и осуществления «мютюэлизма», который будет сопровождать эту индивидуализацию, нужно остановить весь ход истории, и мир должен ждать того момента, когда французы будут готовы к социальной революции. Тогда они сделают перед глазами всего мира свой опыт, и всё остальное человечество, заразившись их примером, совершит, в свою очередь, социальную революцию в своих странах. Французы-прудонисты ждут спасения мира посредством своих идей совершенно также, как Фурье ждал его от своего фаланстера. Всех тех, кто препятствует им на их пути и загромождает «социальный вопрос» «предрассудками» старого мира, они объявляют «реакционерами».

Англичане очень смеялись, когда я, взяв слово, начал с того, что указал на то, что наш друг Лафарг, который в своей речи совершенно уничтожил национальности, говорил, тем не менее, *по-французски*, то есть на языке, который для девяти десятых аудитории был совершенно непонятен. Я показал затем, что для Лафарга отрицание национальности вытекает из того, что он, может быть, совершенно не замечая того, желает поглощения их в единой образцовой нации – Франции».

В первой половине июля в Лондоне происходили многочисленные манифестации против войны. По этому поводу Карл Маркс писал (письмо 7 июля):

«Рабочие манифестации в Лондоне... являются делом Интернационала. Так, например, Люкрафт, один из их организаторов член нашего Совета. Здесь видна вся разница двух методов – метода демократов, которые стремятся афишировать себя и показаться перед публикой и метода, состоящего в том, чтобы, оставаясь скрытым от глаз публики, *действовать за кулисами*».

В течение 1866 года Интернационал в Париже быстро развивался; летом 1866 года насчитывалось уже более 1200 членов, среди которых находилось много видных представителей республиканской буржуазии, как, например, известный филантроп Жюль Симон, историк Анри Мартен, прудонист Густав Шоде и Шарль Беле, имевший уже 72 года. В августе месяце парижане были заняты составлением и редактированием наказа по вопросам, которые фигурировали в программе Женевского конгресса.

В это время Карл Маркс в Лондоне составлял, в свою очередь, от имени Главного Совета, доклад конгрессу по этим же вопросам. Доклад этот был переведён на французский язык

Дюпоном, который был выбран в Главный Совет корреспондентом по делам Франции, вместо исключённого Ле-Любеза.

Парижское отделение Интернационала послало на женевский конгресс одиннадцать делегатов: Бурдона, Камелина, Шемале, Культена, Фрибура, Гиара, Малона, Мюра, Перрашона, Толена и Варлена. Из Лиона были делегированы Боди, Оноре Ришар, Шеттель и Секретн. Руанская секция послала Эмиля Обри. На конгрессе приняли участие, кроме названных французских делегатов, шесть членов Главного Совета и двадцать делегатов от пятнадцати швейцарских секций. Президентом конгресса был избран Герман Юнг, рабочий-часовщик, родившийся в Швейцарии, но переселившийся ещё в сороковых годах в Лондон. Он хорошо говорил на трёх языках – по-французски, по-английски и по-немецки.

Женевский конгресс пересмотрел и окончательно утвердил общий устав Интернационала. Устав был переведён с английского языка на французский и на немецкий и делегаты утверждали текст устава на том языке, какой им был знаком. Но, впоследствии оказалось, что французский текст несколько разнился от английского и немецкого, однако, на конгрессе этого никто не заметил. Конгресс переизбрал Главный Совет, большинство членов которого остались прежние. Местопребывание Совета снова были избран Лондон.

Во время прений при рассмотрении устава был поднят интересный вопрос о том, кто может быть членом Интернационала. На конференции 1865 года парижские делегаты настаивали на том, что членами Интернационала могут быть только одни рабочие, не имеющие никаких других источников своего существования кроме своего заработка; парижские делегаты, поднимая этот вопрос, хотели помешать вступлению в Интернационал «работников умственного труда», то есть представителей так называемых свободных профессий – «адвокатов, поэтов, писателей, докторов, артистов, журналистов». Англичане, швейцарцы и бельгийцы выразили своё желание, чтобы в члены Интернационала мог вступать всякий желающий. Они указывали, что иногда работники умственного труда находятся в ещё более бедственном положении, чем работники физического труда и поэтому закрывать перед ними двери Ассоциации было бы несправедливо. Лондонская конференция решила этот вопрос так, что каждая секция могла, под своей ответственностью, принимать всех желающих в члены Интернационала, придавая слову «*работник*» тот смысл и значение, какое ей кажется в данном случае подходящим.

Когда, на женевском конгрессе стали голосовать за статью устава, говорящую, что «членом Интернационала может быть всякий, кто принимает и защищает принципы Ассоциации», парижские делегаты снова поставили на разрешение вопрос «какой смысл нужно придавать слову *рабочий*? Может ли быть членом Интернационала *работник умственного труда*?» На второй из этих вопросов конгресс ответил положительно. Тогда парижские делегаты указали, что при таком положении в Интернационале открывается свободный доступ всем честолюбцам и политикам.

Однако, большинство конгресса высказалось против доводов парижан. Отстаивая свою точку зрения, парижские делегаты после этого подняли вопрос о том, чтобы *делегатами* на рабочие конгрессы могли быть избираемы только рабочие. Толен сказал, что если можно ещё допустить, что безразлично из кого состоят рядовые члены Интернационала, то

совершенно недопустимо, чтобы этот принцип также проводился и при выборе делегатов: рабочий класс, говорил он, ведёт постоянную борьбу против буржуазного класса и, следовательно, необходимо, чтобы все лица, являющиеся представителями и уполномоченными рабочих организаций и групп, были рабочими. Перрашон заявил, со своей стороны, что допущение избрания в делегаты нерабочих может погубить весь Интернационал. Английский делегат Кремер, удивляясь такой точке зрения, указал, что среди членов Главного Совета много лиц не принадлежат к рабочему классу, однако, их преданность делу рабочего класса ничуть не меньше, чем членов-рабочих. Кремер указал, между прочим, на Карла Маркса и добавил, что он, хотя и не рабочий, но посвятил всю свою жизнь для рабочего дела. В своей речи Фрибур сказал, что, допуская в свои ряды нерабочий элемент, трудящиеся рискуют увидеть в один прекрасный день, что их «рабочие» конгрессы будут состоять, в большей части, из экономистов, литераторов, адвокатов, хозяев и т. д., чтобы было бы очень смешно и что, без сомнения, погубило бы Интернационал.

Картер, поддерживая Кремера, прибавил, отвечая Фрибуру, что гражданин Маркс понял вполне всё значение этого конгресса, на котором должны принять участие, действительно, только одни рабочие. Вот почему Маркс отказался быть делегатом на этом конгрессе, хотя его и просил об этом Главный Совет[8].

Толен, отвечая Картеру, сказал: «как рабочий, я очень благодарен гражданину Марксу за то, что он отказался быть делегатом на конгрессе. Это служит доказательством, что Маркс думает, что рабочие конгрессы должны состоять только из рабочих физического труда. Если мы будем принимать на наши конгрессы представителей других классов, нам всегда могут сказать, что эти конгрессы не являются выразителями стремлений и желаний рабочих классов, потому что эти стремления исходят не от самих рабочих. Я думаю, что необходимо показать нам всему свету, что мы уже являемся настолько взрослыми, что можем действовать сами». Поправка к параграфу устава, внесённая Толеном и гласившая, что «профессия рабочего физического труда необходима для того, чтобы иметь право быть избираемым в делегаты», – была отвергнута большинством в 25 голосов против 20.

Маркс внимательно следил за всем, что происходило на женевском конгрессе и был очень недоволен поведением парижских делегатов. В письме от 9-го октября к своему другу, доктору Кугельману, Маркс так описывал своё впечатление от первого конгресса Интернационала[9]:

«Мои опасения относительно первого конгресса в Женеве были велики. Но, вопреки моим ожиданиям, он, в общем, сошёл хорошо. Впечатление от этого во Франции, Англии и Америке было такое, какого я не ожидал. Я не мог, да и не хотел присутствовать на этом конгрессе, но я сам написал программу для лондонских делегатов. Я намеренно включил в неё только такие пункты, которые позволили бы осуществить немедленное соглашение, а не вызвали бы споров и разногласий. У господ парижан головы были наполнены пустейшими прудоновскими фразами. Они говорят о науке, ничего в ней не понимая... Под предлогом свободы и антигосударственности, или антиавторитарного индивидуализма, эти господа, – которые столь спокойно вот уже 16 лет терпят самый невыносимый деспотизм[10] – проповедуют, в действительности, самые обыкновенный буржуазный режим, только идеализированный по прудоновскому образцу. Прудон причинил страшно много зла. Его

кажущаяся критика и его мнимый антагонизм по отношению к утопистам... захватили и соблазнили сначала «блестящую молодёжь», студентов, а затем рабочих, в частности парижских, которые, как рабочие, изготавливающие предметы роскоши, сами того не сознавая сильно пахнут стариной. Невежественные, пустые, заносчивые, болтливые, надутые[11], – они готовы были всё уничтожить, поспешивши на конгресс в таком количестве, которое совершенно не соответствовало числу членов их секций[12]. В отчёте о конгрессе, я их, между прочим, отделаю так, как они этого заслуживают».

В этом письме сказался весь Маркс.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 22 июня 2025 00:38:54
██████████ ██████████ обновил 22 июня 2025 00:39:10